

Захаровский Л. В. Эвакуация и реэвакуация учебных заведений и учащихся Государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 306—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322.

Zakharovsky, L. V., Razinkov, S. L. (2019). Evacuation and Re-Evacuation of Educational Institutions and Students of the State Labor Reserves during the Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 11: 306-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8:37

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322

ЭВАКУАЦИЯ И РЕЭВАКУАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И УЧАЩИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

© Захаровский Леонид Владимирович (2019), orcid.org/0000-0003-0951-2080, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), kopung-75@mail.ru.

© Разинков Сергей Львович (2019), orcid.org/0000-0002-0018-7931, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), sergerazinkov@mail.ru.

Исследуются процессы эвакуации учебных заведений и учащихся Государственных трудовых резервов на территорию Свердловской области. Реконструируются ключевые приоритеты по их размещению, обустройству на новых местах, интеграции в структуру потребностей военной экономики региона, последующей реэвакуации. Проводится анализ документов различных государственных органов, общественных организаций и материалов личного происхождения. Представлены систематизированные сведения об эвакуации учащихся училищ и школ фабрично заводского обучения (ФЗО) из западных регионов СССР в Свердловскую область. Особое внимание уделяется проблемам функционирования учебных заведений государственных трудовых резервов в период эвакуации. Подчеркивается, что сокращение масштабов эвакуации учебных заведений с 1943 года приводит к росту потребности Свердловской области в завозе призывников из других регионов страны. Сделан вывод об общей эффективности эвакуационной политики в отношении учебных заведений государственных трудовых резервов. В то же время приведены примеры многочисленных частных сбоев механизма эвакуации училищ и школ ФЗО, которые объясняются негативной ролью ряда общих принципов, заложенных в основу деятельности системы государственных трудовых резервов.

Ключевые слова: Совет по эвакуации; Комитет по учету и распределению рабочей силы; Главное Управление трудовых резервов; эвакуационные планы; ремесленные и железнодорожные училища; школы фабрично заводского обучения; ФЗО; приказы о реэвакуации; Свердловская область.

1. Планирование и организация эвакуации учебных заведений

Обеспечение широкого спектра потребностей советского государства в условиях военного времени требовало серьезной реструктуризации управленческих систем, отвечающих за подготовку и распределение квалифицированных рабочих кадров. Одним из ключевых управленческих звеньев становится созданный 30 июня

1 Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств РФФИ (проект № 19-09-00396).

1941 года при Бюро Совета народных комиссаров (СНК) СССР Комитет по учету и распределению рабочей силы, который возглавил Начальник Главного управления трудовых резервов П. Г. Москатов. Главная задача Комитета состояла в распределении трудовых ресурсов страны на основе баланса потребностей, определяемых по заявкам на рабочую силу наркоматов и отдельных предприятий.

Особенно сложной эта важнейшая задача становилась в условиях массовой эвакуации промышленных предприятий и населения из западных районов СССР. Известно, что на территории, оккупированной в ходе войны вражескими войсками, до войны проживали 88 млн человек (45 % населения Советского Союза). Эвакуировать всех людей, вывезти в полном объеме хотя бы самое ценное имущество было невозможно. В этих условиях будущая победа в войне во многом зависела от рациональности и максимальной успешности эвакуационных мероприятий. Всего из угрожаемых областей было вывезено около 17 млн человек (в научной литературе оценки масштабов эвакуации в 1941—1942 годах варьируются от 10 до 25 млн человек. — *Л. З. С. Р.*), в том числе на Урал более 2,2 млн человек. В это количество входили и эвакуированные в восточные районы страны 715 школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ (с контингентом учащихся 125 тыс. человек [Чернов, 1998, с. 126], в том числе вывезенные на Урал 40 тыс. учащихся 239 учебных заведений трудовых резервов [Якунцов, 1997, с. 124].

В современной исторической литературе проблема эвакуации учебных заведений и учащихся системы Государственных трудовых резервов во время Великой Отечественной войны изучена крайне слабо. И если процесс эвакуации на Урал изучается современными историками [Зорина, 1985; Корнилов, 2015; Куманев, 2006; Сперанский, 2015], то из работ, специально посвященных эвакуации и реэвакуации, где заметное внимание уделяется учреждениям и учащимся системы Государственных трудовых резервов, можно выделить лишь диссертацию М. Н. Потемкиной [Потемкина, 2004].

Руководство эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 24 июня 1941 года было возложено на создаваемый Совет по эвакуации на главе с Л. М. Кагановичем (с июля 1941 — Н. М. Шверником). В процесс управления эвакуацией ведомственных училищ и школ, учебных заведений Государственных трудовых резервов были непосредственно вовлечены Совет по эвакуации, Комитет по учету и распределению рабочей силы, Главное Управление трудовых резервов, Советы народных комиссаров союзных республик (прежде всего, УССР и БССР), народные комиссариаты, комитеты партии и исполкомы советов областей, городов, отправляющих или принимающих эвакуированных.

Общее руководство эвакуацией учебных заведений Государственных трудовых резервов осуществлял Совет по эвакуации. Характер взаимодействия вовлеченных управленческих структур мог варьироваться, исходя из особенностей конкретной ситуации. Как правило, по распоряжению Совета по эвакуации Главное Управление трудовых резервов составляло планы эвакуации по областям, которые согласовывались с соответствующими наркоматами, с указанием конкретных учебных заве-

дений, количества эвакуируемых, планируемых пунктов назначения и необходимого транспорта (железнодорожных вагонов, мест на плавсредствах и т. д.). Данные планы могли серьезно корректироваться по количеству вывозимых контингентов, учебных заведений, пунктам их назначения. Итоговым становился план эвакуации, утвержденный соответствующим Распоряжением Совета по эвакуации. Примером подобной корректировки может служить Ориентировочный план эвакуации школ и училищ из Харьковской области от 5 сентября 1941 года и содержащийся в приложении к Распоряжению Совета по эвакуации № 14079 список эвакуируемых школ и училищ от 25 сентября 1941 года [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 21, л. 7, 100].

В других случаях инициатива по проведению эвакуации могла исходить с регионального уровня. В частности, решения об эвакуации учебных заведений принимались Советами народных комиссаров союзных республик. Так, после принятия СНК Украинской ССР постановления об эвакуации учащихся и мастеров из пяти областей: Николаевской, Днепропетровской, Запорожской, Харьковской и Полтавской (всего 92 330 человек) [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 21, л. 141], начальник ГУТР П. Г. Москатов обратился в Совет по эвакуации с просьбой разместить людей по различным тыловым областям.

С просьбами о проведении эвакуации в особо тяжелых случаях обращались также и городские исполнительные комитеты Советов. Так, по предложению Ленинградского городского исполкома Совет по эвакуации 26 ноября 1941 года принял Распоряжение № 14982сэ об эвакуации автотранспортом из Ленинграда до станции Заборье с последующей пересадкой на железнодорожный транспорт 118 тысяч человек, в том числе 34 тысяч учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, из них 11 тысяч учащихся, на территорию Свердловской области [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 21, л. 1].

Государственные трудовые резервы были созданы только в октябре 1940 года, тем не менее уже до войны изучался вопрос о возможности расширения существующих учебных заведений и увеличения их сети. Документы с мест (доклады директоров училищ, сообщения горкомов и райкомов партии, а также отчеты Свердловского областного управления трудовых резервов) свидетельствовали о наличии целого ряда объективных (нехватка помещений, оборудования, рабочих мест для прохождения производственной практики, различного имущества) и субъективных (отсутствие заинтересованности многих директоров предприятий в развитии сети учебных заведений) препятствий к такому увеличению. В ответе на запрос Обкома ВКП (б) о расширении существующих школ ФЗО и ремесленных училищ в 1941 году Нижне-Тагильский горком партии 1 февраля этого же года подчеркивал отрицательное отношение к нему директоров крупнейших предприятий: «Директор Уралвагонзавода — т. Александров и Уралмашстроя — т. Дькин от расширения школ отказались, мотивируя тем, что нет общежитий, столовых и производственных мастерских для производственного обучения» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 908, л. 11].

В отчете о состоянии производственного обучения и политико-воспитательной работы в ремесленных училищах и школах ФЗО Нижнего Тагила от 1 июля 1941 года прямо указывалась причина такой позиции ряда директоров — возможность набирать рабочие кадры из взрослого населения, в том числе из других областей и ре-

спублик: «Тагилстрой имеет наряд на вербовку в Татреспублике 1500 человек <...> Имеющийся же контингент школы ФЗО в 500 человек не используется» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 908, л. 75].

Позиция представителей директорского корпуса многих предприятий основывалась на объективной проблеме — катастрофической нехватке площадей под общежития. Приведем пример одной из множества подобных докладных записок от районных исполнительных комитетов советов и комитетов партии в областной комитет ВКП (б) и Облтрудрезервы — записки от Березовского райкома и райисполкома от 30 декабря 1940 года «По вопросу расширения существующей школы ФЗО № 10 в 1941 году» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 908, л. 217]. Согласно ее данным, на одного учащегося при имеющемся контингенте приходилось 2,8 метра жилой площади, а предлагаемое увеличение контингента на 60 % «может пойти лишь по пути немедленного отпуска средств для строительства общежития на 200 человек учащихся»; при немедленном выделении средств и «при интенсивном строительстве» общежитие обещали построить к 1942 году [Там же].

Предлагалось также частично решить проблему за счет призыва местных учащихся с разрешением последним проживать на дому. Подобная мысль высказывалась районными руководителями почти постоянно, но в условиях начавшейся войны, когда многие рабочие уйдут на фронт и туда же добровольцами отправятся тысячи учащихся государственных трудовых резервов области, возникнет острая нехватка рабочих рук для предприятий, в том числе эвакуированных из западных областей, местный призывной контингент резко сократится и данный способ решения проблемы нехватки общежитий и других помещений окажется бесполезен.

Таким образом, предстоящая в первые годы войны массовая эвакуация учебных заведений государственных трудовых резервов на территорию Свердловской области неизбежно должна была сопровождаться значительными трудностями не только в процессе перевозки людей и имущества, но и при обустройстве их на Урале, интеграции в механизм функционирования промышленного комплекса области.

2. Ход и результаты эвакуации

Следует согласиться с оценкой Н. М. Потемкиной, отнесшей в своей классификации эвакуационных потоков эвакуацию учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО к разновидности «организованной эвакуации» [Потемкина, 2004, с. 134]. Однако здесь же М. Н. Потемкина приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что организованный характер эвакуации учащихся в начальный период войны не отменял большого количества трагических случаев, связанных с транспортировкой и обеспечением эвакуируемых, так как механизм эвакуации складывался уже в ходе войны методом проб и ошибок [Потемкина, 2004, с. 143]. В частности, исследователь приводит вопиющий пример эвакуации из Ленинграда ремесленного училища № 31, когда за время пути до Челябинска в товарных вагонах, не имеющих рам, без топлива и теплой одежды умерли 42 учащихся, на станции Челябинск 20 больным (дизентерия и обморожение) медпункт отказал в приеме, и только после трехдневного простоя, за время которого умерли еще 7 учащихся, эшелон отправился в Каменск [Потемкина, 2004, с. 131].

То, что приведенный М. Н. Потемкиной трагический пример не являлся исключением, свидетельствуют акты приема-передачи эвакуированных училищ и объяснительные записки к ним, хранящиеся в фонде Свердловского областного управления профессионально-технического образования (Р-2033) Государственного архива Свердловской области [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 337—342]. Эти документы интересны тем, что они содержат сведения о механизме подготовки училищ к эвакуации, а также подробные сведения о проблемах в пути, об изменении количества учащихся и сотрудников по разным причинам при перемещении по маршруту эвакуации.

Судя по имеющейся отрывочной информации, в западных областях страны, где военная обстановка менялась очень быстро, эвакуация не всегда осуществлялась организованно, иногда — в условиях отсутствия каких-либо директив областных управлений трудовых резервов. Так, в пояснительной записке директора Криворожской школы ФЗО № 33 Бондаренко указаны причины неполной эвакуации данной школы: «Отсутствие указаний главного и областного управления трудрезервов, отсутствие специальных вагонов для школы, все ученики школы работали до последнего дня на спецработах на шахте, выезд школы произошел неожиданно в вагонах с оборудованием шахты» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 338, л. 112].

Есть отдельные свидетельства о неоднократных бомбежках немецкой авиацией эшелонов с эвакуируемыми училищами [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 338, л. 190; д. 342, л. 220 об]. Но даже для тех, кто избежал бомбежек, эвакуация была тяжелейшим испытанием: плохое питание, нехватка кипяченой воды, непригодные вагоны (иногда — товарные, без крыши, спальных мест и т. д.), что обусловило высокую смертность и заболеваемость среди эвакуируемых учащихся. Особенно тяжело было ослабленным учащимся, эвакуируемым из Ленинграда. При эвакуации в январе 1942 года ЖУ № 3 Ленинграда умерли 24 учащихся, Сестрорецкого РУ № 6 умерли в пути 36 учащихся, оставлены в больницах на железнодорожных станциях — 83 человека. В марте 1942 года при эвакуации РУ № 82 Ленинграда в дороге умерло 15 человек, оставлено в госпиталях на разных станциях — 50 человек (табл. 2). Кроме этого, имели место побег учащихся, причинами которых, помимо вышеперечисленных, названы грубость уполномоченных руководителей и даже изменение в пути места назначения — по распоряжению Главного управления трудовых резервов или вследствие отказа некоторых областных управлений принимать у себя эвакуируемых из-за отсутствия мест для размещения [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 342, л. 10].

Главное Управление трудовых резервов направило управлениям восточных областей страны телеграфные указания о встрече эвакуируемых училищ и отдельных групп учащихся. На крупных станциях были организованы посты, где особо-уполномоченные по встрече эвакуированных школ из числа представителей местных управлений должны были организовать горячее питание, санитарное и медицинское обслуживание, обеспечить организацию их дальнейшего движения к конечным пунктам назначения.

Однако сведения, предоставленные самими эвакуированными, свидетельствуют о значительных сбоях наспех сооруженного механизма их приема. Не является ис-

ключением утверждение директора московского РУ № 7 М. П. Яблонского о ходе эвакуации в октябре 1941 года: «По пути следования от г. Горького до Свердловска ни на одной станции (Киров, Молотов) не было представителей Областных управлений трудовых резервов, которые оказали бы помощь в организации питания и дальнейшей отправке эшелона» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 337, л. 9]. Трудности продолжились и по прибытии в Свердловск: «В Свердловске наш эшелон простоял на станции Пассажирской в течение 3-х с половиной суток, в течение которых несколько раз менялись маршруты дальнейшего направления учащихся РУ № 7» [Там же].

Таких примеров немало, но они не отменяют того факта, что в кратчайшие сроки была спланирована и в целом успешно проведена эвакуация в восточные районы страны промышленных предприятий и обеспечивающих их рабочими кадрами учебных заведений. Всего к апрелю 1942 года только в ремесленных и железнодорожных училищах Свердловской области находились 8335 учащихся, эвакуированных из других областей [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 44, л. 28]. Сведения о масштабах эвакуации в Свердловскую область училищ и школ ФЗО представлены в таблице 1.

Следует подчеркнуть, что статус эвакуированных училищ и школ ФЗО в Свердловской области мог быть различным. Часть учебных заведений, прежде всего эвакуированные вместе со своими базовыми предприятиями, сохранились как самостоятельные юридические единицы. Если же школы или училища были влиты в ту школу или училище, которой они были переданы в Свердловской области, то они, согласно разъяснению Главного Управления трудовых резервов, считались расформированными [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 342, л. 180]. Данные о ходе и результатах эвакуации отдельных учебных заведений представлены в таблице 2.

Для адаптации региональной системы трудовых резервов к работе в условиях массовой эвакуации промышленных предприятий и училищ из западных районов страны потребовались увеличение ее масштабов, а также серьезные усилия по подготовке к новым задачам уже имевшихся учебных заведений. Осенью 1941 года были проведены обследования существующих училищ и школ ФЗО, а планы по расширению сети учебных заведений, существовавшие еще в довоенный период, были значительно увеличены. Во многом комплектование значительно выросшей сети школ и училищ стало возможным за счет эвакуированных учащихся и сотрудников.

Кроме того, при всех перечисленных выше проблемах и даже трагедиях, которыми сопровождалась спешная эвакуация учебных заведений на территорию Свердловской области, необходимо отметить колоссальные усилия Главного Управления трудовых резервов по координации этого процесса с наркоматами в целях наиболее рационального размещения училищ и школ ФЗО в интересах народного хозяйства. Особое внимание в процессе эвакуации уделялось обеспечению квалифицированными рабочими кадрами предприятий оборонной промышленности. Уже 16 сентября 1941 года Распоряжение Совета по эвакуации разрешает Главному Управлению трудовых резервов эвакуировать 475 учащихся и 50 административно-технических работников ремесленного училища № 9 при Волховском алюминиевом заводе на Богословский алюминиевый завод (Свердловская область) [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 21, л. 100].

Таблица 1

Сведения об эвакуации учащихся училищ и школ ФЗО (по регионам) в Свердловскую область*

Регион	Количество учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую область		Штатная численность учащихся		Количество учащихся, прибывших в Свердловскую область, чел.
	РУ и ЖУ	школы ФЗО	прием 1940	прием 1941	
Белорусская ССР	—	4	498	200	449
Винницкая обл.	1	—	?	—	?
Воронежская область	5	7	2350	1870*	1046*
Ворошиловградская область	2	1	1100	2200	844
Дагестанская АССР	2	3	1611*	—	619
Днепропетровская область	1	2	300	540	266
Ивановская область	1	2	300	1310	400*
Калининская область	1	—	400	—	126
Карело-Финская ССР	2	2	600	350	741
Киевская область	5	1	600*	?	318*
Краснодарский край	3	—	1963	—	241
Крымская АССР	1	—	1400	—	404
г. Ленинград	6	—	354*		182*
Ленинградская область	7	—	2025*	—	1188
г. Москва	34	4	17835*	460*	3469*
Московская область	10	—	4000	—	977
Николаевская область	—	2	—	925	459
Орджоникидзевский край	3	1	2471*	—	237
Орловская область	2	—	720	—	568
Ростовская область	3	1	1096	775	330
Сталинградская область	—	1	245	—	220
Сталинская область	—	2	—	1000	309
Тульская область	1	2	—	1435	349
Харьковская область	7	3	6610*	2635*	1795*
Всего	97	38	46478*	13700*	15537*

* Неполные данные.

Таблица 2

Сведения о ходе и результатах эвакуации отдельных ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО в пункты назначения на территории Свердловской области*

Учебное заведение	РУ № 44	РУ №7	РУ № 1	ЖУ № 3	РУ № 6
Маршрут эвакуации	Клин — Киров-град	Москва — Нижний Тагил	Керчь-Серов	Ленин-град — Ревда	Сестро-рецк — Висим
Время в пути	18.10 — ноябрь 1941	16.10 — 08.11	02.10 — 20.11.41	31.01 — 15.03.42	30.01 / 03.02.42 — март 1942
Штатный контингент учащихся	525	1275	1400	Нет данных	
Подлежало эвакуации, из них:	205	?	683	255	259
— выехало	205	525	683	211	251
— бежало в пути	44	283	213	63	32
— умерло в пути	0	0	0	24	37
— высажены по болезни	0	0	14	38	86
— переданы НКВД за преступления в пути	7	0	0	0	0
— переданы в Свердловские РУ, ЖУ и школы ФЗО	154	219 (нет данных о 39)	387 (нет данных о 69)	86	96

* Таблица составлена авторами на основании сохранившихся архивных данных [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 337—342].

В наиболее благоприятных условиях оказались училища, эвакуированные вместе со своими прежними предприятиями. Вместе с эвакуированным заводом № 76 в город Серов было направлено и московское ремесленное училище № 45. Затем в его состав неоднократно вливалось пополнение из числа эвакуированных учащихся из западных областей. Училищу был выделен свой цех на заводе, где работали исключительно ремесленники, имеющие хорошую квалификацию. Производимые ими детали для БМ-13 отправлялись для окончательной сборки в Свердловск.

Вместе с воронежским заводом «Коминтерн» (эвакуирован в октябре 1941 года), специалисты которого помогли освоить на свердловском заводе «Уралэлектроаппарат» (ныне — Уралэлектротяжмаш) выпуск реактивных минометов БМ-13, в Свердловск прибыло и функционировавшее при нем воронежское ремесленное училище № 5. 24 января 1942 года за подписью замначальника ГУТР Зеленко был издан при-

каз по Главному управлению трудовых резервов об организации на базе помещений общежития бывшего РУ № 18, переданного Наркомату минометного вооружения и эвакуированного оборудования Воронежского РУ № 5, нового ремесленного училища с передачей ему оставшихся рабочих, служащих и учащихся бывшего ремесленного училища № 18. Училище создавалось для выполнения программы производства спецдеталей М-13 (реактивные снаряды) и организации выпуска М-82 (минометные мины). На освобождение помещений общежития (выселяемых направляли в общежитие школы ФЗО № 27), его реконструкцию и монтаж оборудования отводилось чуть больше месяца — работы должны были закончиться не позже первого марта 1942 года. Начальнику Свердловского облуправления трудовых резервов Путиншеву приказано лично вести наблюдение по указанному объекту и еженедельно докладывать в Главное управление о проведенной работе. Управлению снабжения предписано обеспечить Свердловское облуправление трудовых резервов всеми необходимыми материалами, горючим, оборудованием, инструментом в необходимом количестве, гарантирующем своевременный пуск в эксплуатацию мастерской вновь организуемого училища № 18 [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 43, л. 31].

К лету 1942 года стала очевидной необходимость новой перенастройки учебных заведений системы трудовых резервов. Перевод промышленности на военные рельсы в основном был завершен, возникла необходимость выпускать более сложные образцы техники и вооружений, острой была потребность и в снижении процента бракованной продукции. То есть повысились требования промышленности к квалификации молодых рабочих. Именно поэтому в своем приказе П. Г. Москатов требует возобновить теоретическое обучение во всех ремесленных училищах и ввести его в школах ФЗО. Но к этому же времени возник и определенный кризис, связанный с проблемой комплектования учебных заведений государственных трудовых резервов в Свердловской области.

3. Проблемы функционирования учебных заведений государственных трудовых резервов в период эвакуации

Между тем для руководства системы Государственных трудовых резервов строгое выполнение планов призыва и сохранение установленных правительством контингентов учащихся являлись приоритетными задачами. 28 апреля 1942 года был издан Приказ по Главному управлению трудовых резервов «О недокомплекте учащихся в ремесленных и железнодорожных училищах по Свердловской области». Согласно приведенным в нем данным, на 1 января 1942 года контингент училищ области составлял 25 150 человек. Таким образом, фактически обучалось на 1965 человек меньше, чем предусматривал установленный правительством план. Из тех, кто учился, 128 отчислены по болезни, 86 — за нарушение внутреннего распорядка, 929 ушли самовольно. Начальнику Свердловского управления под личную ответственность предписывалось до 25 мая укомплектовать училища в порядке добровольного набора [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 44, л. 28].

Однако набор учащихся в Свердловской области становился всё более проблематичным. Начальник отдела кадров областного комитета партии Гительман в справке о возможности призыва молодежи в школы ФЗО в период с 10 февраля по 1 марта

1942 года делает вывод, что установленный план призыва в 7000 человек можно выполнить, специально оговаривая, что призыв можно провести в основном за счет сельской молодежи [ЦДООСО, ф. 4, оп. 38, д. 215, л. 5]. Такой характер призыва увеличивал нагрузку на общежития, но в целом был выполнен. Однако уже в Заключении по проекту Главтрудорезервов о призыве молодежи в школы ФЗО Свердловской области в 1942 году, предусматривавшему призыв в июле и сентябре 10 тысяч человек, Облплан (Никонов) и Облтрудорезервы (Путинцев) пришли к выводу, что «подавляющее большинство молодежи призывных возрастов работает на производстве в качестве квалифицированных и подсобных рабочих <...> физически годная к обучению часть лиц из категории неработающих может дать, примерно, 5000. Остальных призвать за счет лиц, занятых на неквалифицированных работах, на что нужно специальное правительственное указание, либо, учитывая недостаток рабочей силы в области, призвать 5000 человек из других областей» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 38, д. 215, л. 9]. Наконец, в Заключении к проекту Главтрудорезервов о призыве молодежи в школы ФЗО в Свердловской области в январе — феврале 1943 года содержится однозначный вывод: «Контингент неработающих в основном исчерпан. Источником призыва в школы ФЗО может быть учащаяся молодежь 8—10 классов средних школ <...>, из числа которых и возможно призвать не более 2 тысяч человек, а остальных в количестве 16 200 необходимо завезти из других областей» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 38, д. 215, л. 32]. В последующие годы войны нехватка призывного контингента в области будет сохраняться. Согласно плану набора призывного контингента на 1945 год, подписанному заместителем уполномоченного Госплана СССР по Свердловской области Вологдиным, предусматривалась необходимость завоза из других областей 14 685 человек, в том числе для школ ФЗО — 8890 чел., для ремесленных училищ — 5795 чел. [РГАЭ, ф. 4372, оп. 43, д. 315, л. 242].

Параллельно с исчерпанием местных источников призыва в школы ФЗО увеличивался завоз призывников из других регионов страны. Согласно Сведениям о количестве молодежи, мобилизованной в прифронтовой зоне для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах и прибывшей к месту назначения, в Свердловскую область были направлены из Воронежской, Калининской, Орловской, Смоленской и Тульской областей 17382 человека, из них прибыли к месту назначения 13 040 человек [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1. д. 203, л. 34]. Сопоставление данных о проведении эвакуации училищ и школ ФЗО на территорию Свердловской области, данных о динамике призыва контингентов по Свердловской области и сведений о количестве завозимых для обучения призывников из других областей позволяет сделать однозначный вывод — сокращение со второй половины 1942 года и в 1943 году масштабов эвакуации учащихся системы трудовых резервов в Свердловскую область в условиях исчерпания местных призывных контингентов приводит к заметному росту потребности области в завозе призывников из других регионов страны.

Прибывающие из других областей призывники сталкивались с теми же проблемами, что и эвакуированные учащиеся. Докладные записки секретарей райкомов партии, директоров училищ, заявления и письма эвакуированных учащихся не оставляют сомнений в тяжести положения многих эвакуированных в Свердловскую область.

Многочисленные факты плохой организации труда и избиений учащихся директором Карпинского завода зафиксированы в заявлении [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 157, л. 78] от учащихся эвакуированного московского РУ № 6 (1942-й год). Областное Управление трудовых резервов провело проверку, показавшую, что «учащиеся рабочими местами совершенно не обеспечены, на 221 токаря имеется всего 11 токарных станков <...> многие работают на погрузочно-разгрузочных работах, на уборке мусора <...> нормальные бытовые условия для учащихся не созданы <...> в общежитиях большая перегрузка, нет изолятора, красного уголка, сушилки <...> обнаружены факты преступного обращения директора завода Локшина с учащимися» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 157, л. 98]. В обращении к обкому ВКП(б) Начальник областных трудовых резервов Путинцев настаивал на обсуждении поведения директора в партийном порядке [Там же].

Серьезными недостатками в организации труда и быта учащихся называли такое положение компетентные органы, столкнувшиеся с тем, что многих эвакуированных учащихся такое положение толкало на совершение преступлений. НКВД СССР и Наркомат Юстиции РСФСР неоднократно информировали Главное управление трудовых резервов о многочисленных фактах уголовных преступлений, совершенных учащимися, и требовали принятия мер по их дальнейшему недопущению. Приводились факты организации преступных шаек, совершения вооруженных грабежей, убийств, хищений государственного и личного имущества, в том числе ограбления складов ремесленных училищ и школ ФЗО [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 51, л. 70]. Только за хулиганство органы милиции Свердловской области в 1942 году привлекли к уголовной ответственности 173 учащихся системы трудовых резервов. Значительный вклад в криминальную статистику уже в 1941—1942 годах вносили именно учащиеся, эвакуированные или мобилизованные из других областей и республик. Целый ряд подтверждающих это фактов представил Начальнику ГУТР П. Москатову Заместитель Наркома юстиции РСФСР И. Перлов, подчеркивавший, что они свидетельствуют о серьезных недостатках в организации труда и быта в школах ФЗО и ремесленных училищах, находящихся в Свердловской области. Например, 29 января 1942 года возле кинотеатра «Темп» (г. Свердловск) произошла массовая драка между учениками ремесленных училищ № 1 (эвакуировано из Москвы) и № 18 (эвакуировано из Калининана). Во время драки использовались ножи, топоры, зубила, молотки, палки, со свинцовыми набалдашниками. В результате был зверски убит учащийся РУ № 1 комсомолец Алексей Кузнецов, ранены и избиты еще пять учеников. Как особо подчеркнул замнаркома юстиции, все эти орудия преступления «хранились учениками в общежитиях ремесленных училищ, причем характерно, что один из обвиняемых — Бронзов, уже был привлечен к ответственности по ст. 182-4 УК за незаконное хранение финского ножа. Администрация училища, однако, на это обстоятельство внимания не обратила» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 52, л. 83].

Проблемы адаптации в новых условиях эвакуированных из западных областей СССР отчасти совпадали с проблемами учащихся, призванных на территории других районов страны и отправленных в Свердловскую область: оторванность от традиционного уклада жизни, от родных, нередко более тяжелые, чем у свердловских учащихся, материально-бытовые условия. Для призывного контингента из мусуль-

манских регионов на первый план среди всех трудностей выходили культурные и национальные различия. В выступлении на Совещании замдиректоров по политической части в Свердловском облуправлении трудовых резервов 10 декабря 1941 года представитель школы ФЗО № 24 Рукомоиникова обратила внимание собравшихся на большой процент казахов и башкир в школе, не знавших производства, поскольку ранее они работали в колхозе. «Особенно пренебрежительно они отнеслись к кузнечному делу <...> При выполнении практической работы они заявляют мастеру, что мы приехали сюда не работать, а учиться <...> председатели колхозов и МТС присылали телеграммы в наш адрес, просили вернуть ребят в колхоз, так как они там нужны» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 206, л. 15]. Обобщенные данные докладной записки Свердловского облуправления трудовых резервов на 1 сентября 1941 года свидетельствуют, что процент самовольно ушедших из школ ФЗО среди завезенных из Казахстана и Башкирии (не путать с эвакуированными) выше, чем среди призванных с территории Свердловской области [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 206, л. 207]. В Совнаркомы Казахской ССР и Башкирской АССР были отправлены специальные письма, посланы представители школ, но вернуть учеников не удалось.

4. Резэвакуация учебных заведений государственных трудовых резервов

Проблема резэвакуации училищ и учащихся системы государственных трудовых резервов является одной из самых сложных применительно к изучению их истории военных лет. Училища сливались с принимающими их свердловскими учебными заведениями, переставали быть самостоятельными, следовательно, вопрос об их возвращении не ставился. Учащиеся, завершив обучение, переходили на предприятия и в дальнейшем резэвакуировались вместе с ними. Самих источников, затрагивающих вопрос о резэвакуации учреждений из системы трудовых резервов, в архивах удалось обнаружить считанные единицы.

В целом авторы поддерживают вывод М. Н. Потемкиной о том, что «резэвакуация населения в 1941—1948 годах остается большой лакуной в исторической науке» [Потемкина, 2004, с. 307]. Работ, посвященных специально этой проблеме пока немного. Анализ материалов, освещающих резэвакуацию учебных заведений Государственных трудовых резервов, показывает, что значительной специфики её осуществления не прослеживается.

Первые резэвакуационные мероприятия, относящиеся к системе государственных трудовых резервов, как и в целом первые примеры резэвакуации населения стали возможны после разгрома немецких войск под Москвой зимой 1941 / 42 годов. Постановление ГКО от 10 января 1942 года «О порядке въезда в г. Москву» разрешало возвращение в столицу только по решению ГКО и по согласованию с горкомом ВКП (б), причем рабочие должны были въезжать без семей, за которыми закреплялось жилье по месту эвакуации. Таким образом, была регламентирована точечная резэвакуация, допускавшаяся в особо важных случаях. Необходимость производства и ремонта бронетехники поблизости от линии боев за Москву определила проведение одного из таких точечных резэвакуационных мероприятий, затронувших училища системы Государственных трудовых резервов.

В октябре 1941 года был эвакуирован в город Свердловск московский завод № 37. Здесь на базе вагоноремонтного завода было организовано производство танков Т-30 и Т-60, а потом и Т-70. В Москве на опустевшей неотапливаемой площадке завода был образован Авторемонтный завод № 6 (АРЗ-6). 7 января 1942 года АРЗ-6 был преобразован в филиал завода № 37, где ремонтировали бронетехнику, на базе малого танка Т-60 выпускали артиллерийскую самоходную установку Су-76. Ещё 26 ноября 1941 года Распоряжением № 14982 Совета по Эвакуации 2 тысячи учащихся ремесленных училищ Ленинграда были направлены в Свердловск, на завод № 37 [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 21, л. 1]. В связи с развертыванием работ по производству и ремонту бронетехники на московской площадке возникла необходимость подготовки рабочих кадров. В начале мая 1942 года приказом Начальника ГУТР П. Москатова за № 70 эвакуированное в Свердловскую область из Ленинграда ремесленное училище № 8 переводилось на постоянную работу в Москву. Начальнику Свердловского облуправления трудовых резервов Путинцеву было приказано направить вместе с училищем 10 руководящих сотрудников, включая директора училища, его заместителя по политической части, старшего мастера, пятерых мастеров, заведующего учебной частью и бухгалтера. Остальные сотрудники продолжили трудиться в ремесленных училищах Свердловской области. Летом 1942 года в связи с рядом поражений Красной Армии реэвакуация была приостановлена, а затем возобновлена зимой 1942 / 43 годов.

С переломом в ходе военных действий усиливалось стремление эвакуированных к возвращению в родные места. Поэтому наряду с организованной реэвакуацией набирают силу стихийные реэвакуационные потоки. 13 января 1943 года в письме в редакцию газеты «Уральский рабочий» заместитель директора РУ № 18 по политической части Харалдин рассуждал о мотивах побегов учащихся: «Вот, например, сбежали ребята, которые раньше учились в Москве, потом их эвакуировали сюда, в Свердловск. Ребята первое время жили хорошо и работали, не думали о поездке в Москву, а теперь узнали, что там стало лучше и немцев отогнали от Москвы, то сразу начались побегии. Правда не массовые, но ребята едут и их там принимают, да еще и устраивают на лучшие работы, чем поощряют эти побегии <...> и по запросу нашему Московская прокуратура общего надзора отвечает, что по таким вопросам должна заниматься прокуратура г. Свердловска. Мне это непонятно. Ребята находятся там, в Москве <...> Я считаю, что это просто отписка» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 38, д. 221, л. 38].

Увеличение потока реэвакуации в 1943 году происходило и на законных основаниях. Так, в справке о движении контингента ремесленных и железнодорожных училищ Свердловской области за первую половину 1943 года отмечалось, что за полгода «по другим причинам» (не самовольно, и не по болезни — в этой графе преобладали как раз реэвакуированные) из училищ выбыло 1736 человек, и подчеркивалось, что число выбывших по реэвакуации несравненно больше, чем в прошлом году [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 13, л. 31].

Как и весь процесс реэвакуации из восточных районов СССР, возвращение большей части эвакуированных учащихся и сотрудников системы государственных трудовых резервов, судя по косвенным данным, произошло в 1943—1945 го-

дах. Процесс реэвакуации значительно отличался от эвакуационных мероприятий. Во время эвакуации первых военных месяцев потребовалось в кратчайшие сроки перевезти в восточные районы страны максимально возможное количество учащихся, сотрудников училищ и школ, инструментов и оборудования в условиях спешки, необходимости выведения из строя оставляемого оборудования, уничтожения части документации, корректировки эвакуационных планов по областям, нехватки транспорта, изменения мест назначения эвакуируемых учебных заведений, невероятных трудностей в организации учебы и быта при размещении на новом месте. Вместе с реэвакуированными промышленными предприятиями возвращались на родину эвакуированные прежде с ними учебные заведения. Так, уже в 1943 году вернулось в Воронеж РУ № 5, на Урале участвовавшее в выпуске «Катюш». Реэвакуация ранее эвакуированных учащихся, получивших квалификацию и первый трудовой опыт в учебных заведениях, слившихся с училищами и школами трудовых резервов и трудившимися на предприятиях Свердловской области, производилась в рабочем порядке, через специальные отделы соответствующих наркоматов.

5. Заключение

Итак, изучение процессов эвакуации и реэвакуации учебных заведений и учащихся системы государственных трудовых резервов в период Великой Отечественной войны позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Созданная накануне войны система государственных трудовых резервов в процессе решения сложнейших задач, связанных с организацией вывоза из прифронтовой полосы эвакуируемых учебных заведений и учащихся, в координации с другими звеньями управления — государственными органами власти, наркоматами, партийными комитетами, комсомольскими организациями — продемонстрировала высокую эффективность в условиях военного времени. Согласно данным отчета Свердловского областного управления трудовых резервов за 1940—45 годы, только на территорию области в период Великой Отечественной войны была эвакуирована 101 единица РУ, ЖУ и школ ФЗО с контингентом свыше 20 тысяч человек и более 1 тысячи сотрудников [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 402, л. 1]. Всего за 1940—1945 годы училищами и школами области было подготовлено 122 245 рабочих, то есть каждый шестой — из эвакуированных в военное время, причем для самого тяжелого периода войны (1941—1942) их процент в общем количестве выпускников трудовых резервов области колебался от 30 до 40.

Изучение архивных документов позволяет признать наиболее эффективными элементами эвакуационной политики в отношении учебных заведений государственных трудовых резервов рациональное согласование интересов государства, регионов, экономических субъектов при выработке конкретных решений о проведении эвакуационных мероприятий; сочетание многоуровневого государственного, партийного и общественного контроля над процессом функционирования эвакуированных училищ и школ на новом месте; приоритет прагматических интересов над иными, позволивший использовать нетрадиционные возможности способствовать успехам промышленности (например, когда в учебные заведения направля-

лись освобожденные из лагерей НКВД молодые заключенные или снимались со спецучета поступавшие на обучение молодые жители трудовых поселений (дети спецпереселенцев)); использование одновременно добровольных (в том числе на основе материального поощрения) и мобилизационных механизмов при проведении эвакуационных мероприятий; введение определенных льгот для эвакуируемых учащихся и сотрудников (контроль за выплатой ученической зарплаты, недополученной до эвакуации, оплата подъемных для минимального обустройства).

При всем этом эвакуация, которой в условиях войн всегда присущи большие организационные сложности, опасности и трагические случайности, еще раз выявила негативную роль ряда общих принципов, заложенных в основу самой системы государственных трудовых резервов. Интересы личности (как учащихся, так и сотрудников) учитывались лишь в той степени, в которой они не противоречили интересам государства, что проявлялось в таких моментах, как недостаточное внимание к созданию приемлемых условий в пути следования, искажение информации о конечном пункте следования и т. д. Сохранившие в архивах источники свидетельствуют: механизм эвакуации училищ, школ и их учащихся, их размещения на новом месте при общей эффективности давал многочисленные частные сбои именно потому, что полувоенный характер трудовых резервов полностью лишал учащихся всякой самостоятельности. И там, где молодежь полностью зависела от действий нерадивого руководителя (училища, эшелона, железнодорожной станции, госпиталя, конкретного предприятия, района), возникали тяжелые, а подчас и трагические ситуации. Привлечение к ответственности отдельных должностных лиц, действия которых привели к наиболее тяжелым последствиям (гибель учащихся, массовая заболеваемость, длительное нахождение без работы или вне учебного процесса, побеги и т. д.), принципиально изменить ситуацию не могло.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-9507. Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР.
2. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. Р-2033. Свердловское областное управление профессионально-технического образования.
3. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 4372. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР).
4. ЦДООСО — *Центр документации общественных организаций Свердловской области*. Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорина Р. Ф. Решение партии проблемы размещения на Урале эвакуированных предприятий и населения в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—1942 гг.): автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Р. Ф. Зорина. — Челябинск, 1985. — 22 с.
2. Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4. — С. 112—121.

3. *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР. 1941—1942 годы / Г. А. Куманев // Новая и новейшая история. — 2006. — № 6. — С. 7—27.

4. *Потемкина М. Н.* Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанселение на Урале в 1941—1948 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / М. Н. Потемкина. — Екатеринбург, 2004. — 466 с.

5. *Сперанский А. В.* Урал в Великой Отечественной войне : правда истории как фактор консолидации общества / А. В. Сперанский // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы международной научно-практической конференции / под общей редакцией В. А. Лабузова. — Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2015. — С. 607—611.

6. *Чернов С. Н.* Подготовка промышленных кадров Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. Н. Чернов. — Петрозаводск, 1998. — 415 с.

7. *Якунцов И. А.* Урал в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.) / И. А. Якунцов. — Пермь : Издательство Пермского университета, 1997. — 166 с.

EVACUATION AND RE-EVACUATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND STUDENTS OF THE STATE LABOR RESERVES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR¹

© **Leonid V. Zakharovsky (2019)**, orcid.org/0000-0003-0951-2080, PhD in History, associate professor, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), konung-75@mail.ru.

© **Sergey L. Razinkov (2019)**, orcid.org/0000-0002-0018-7931, PhD in History, associate professor, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), sergerazinkov@mail.ru.

The processes of evacuation of educational institutions and students of the State labor reserves in the territory of the Sverdlovsk region are investigated. Key priorities are being reconstructed for their placement, arrangement in new places, integration into the structure of the needs of the region's military economy, and subsequent re-evacuation. The analysis of documents of various government bodies, public organizations and materials of personal origin. The systematic information on the evacuation of students of colleges and workschools (FZO) from the western regions of the USSR to the Sverdlovsk region is presented. Particular attention is paid to the problems of the functioning of educational institutions of state labor reserves during the evacuation period. It is emphasized that the reduction in the evacuation of educational institutions since 1943 leads to an increase in the demand of the Sverdlovsk region for the prepositioning of army conscripts from other regions of the country. The conclusion is drawn about the overall effectiveness of the evacuation policy in relation to educational institutions of state labor reserves. At the same time, there are examples of numerous private failures of the evacuation mechanism of colleges and schools of the federal educational institutions, which are explained by the negative role of a number of general principles that form the basis of the system of state labor reserves.

Key words: evacuation council; Labor Accounting and Distribution Committee; General Directorate of Labor Reserves; evacuation plans; craft and railway schools; workschools; FZO; re-evacuation orders; Sverdlovsk region.

MATERIAL RESOURCES

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. R-9507. Uchrezhdeniya po rukovodstvu professionalno-tekhnicheskim obrazovaniem v SSSR. (In Russ.).

1 The article was written as part of a study carried out at the expense of the RFBR (project № 19-09-00396).

- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti*. F. R-2033. Sverdlovskoye oblastnoye upravleniye professionalno-tekhnicheskogo obrazovaniya. (In Russ.).
- RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki*. F. 4372. Gosudarstvennyy planovyy komitet Soveta Ministrov SSSR (Gosplan SSSR). (In Russ.).
- TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti*. F. 4. Sverdlovskiy oblastnoy komitet KPSS. (In Russ.).

REFERENCES

- Chernov, S. N. (1998). *Podgotovka promyshlennykh kadrov Rossiyskoy Federatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Petrozavodsk. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (2015). Evakuatsiya naseleniya na Ural v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 4: 112—121. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (2006). Voyna i evakuatsiya v SSSR. 1941—1942 gody. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 6: 7—27. (In Russ.).
- Potemkina, M. N. (2004). *Evakuatsionno-reevakuatsionnyye protsessy i evakonaseleniye na Urale v 1941—1948 gg.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Speranskiy, A. V. (2015). Ural v Velikoy Otechestvennoy voynе: pravda istorii kak faktor konsolidatsii obshchestva. In: *Podvig sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voynе 1941—1945 gg.: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshchey redaktsiyey V. A. Labuzova*. Orenburg: Izdatelskiy tsentr OGAU. 607—611. (In Russ.).
- Yakuntsov, I. A. (1997). *Ural v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. (1941—1945 gg.)*. Perm?: Izdatelstvo Permskogo universiteta. (In Russ.).
- Zorina, R. F. (1985). *Resheniye partiyey problemy razmeshcheniya na Urale evakuirovannykh predpriyatiy i naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941 — 1942 gg.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Chelyabinsk. (In Russ.).